

The image features a hand holding a Russian flag (white, blue, and red horizontal stripes) against a vibrant, collage-style background. The background is filled with various Russian cultural and historical symbols, including a bear, a map of Russia, a hammer and sickle, a matryoshka doll, a ballerina, a fan, a teapot, and various architectural elements like onion domes. The overall color palette is warm, with reds, oranges, yellows, and blues.

ГЕННАДИЙ СМИРНОВ

**РОССИЙСКИЙ
БУТЕРЬРОД**

Геннадий Смирнов
Российский бутерброд

«Accent Graphics communications»

2017

Смирнов Г.

Российский бутерброд / Г. Смирнов — «Accent Graphics communications», 2017

Книга, пронизанная глубинными смыслами, словно слоями личностей, вариациями политических игр, наслоениями идей, мыслей, страхов, надежд. Преемственность власти, прошлое, перетекающее в будущее через призму настоящего, узнаваемые и одновременно двойственные персонажи, аллюзии, интерпретации действительности – вероятно, только российский читатель сможет проникнуть в глубокую сущность повествования и оценить игру идей и слов. Сюжет настолько переплетен многозначностью, что пересказать его невозможно. Иван Иванович – гарант Основного Закона государства, проявляет озабоченность положением дел в связи с событиями в регионах, просматривает волеизъявления и пожелания трудящихся, общается с подчиненными, готовит законы. Но не всё гладко в «Датском королевстве». Не очень нравится среднестатистическому гражданину консервативная демократия или демократический консерватизм, объявленный усатым партийным предводителем. Что же не нравится массам в Партии? А кто режиссирует чиновниками с их бюрократией и коррупцией? Странный блоггер общается с Иван Ивановичем через монитор, надписи фантастически мгновенно появляются целыми предложениями и моментально исчезают. Тот пытается вырваться из-под влияния регента Василь Васильича, который сам находится в лёгкой прострации от всего происходящего и чувствует, что за его спиной что-то готовится. Но Среднестатистический человек нейтральной наружности сидит в ничем не приметном кабинете. Его рабочий стол покрыт ячейками, заполненными листами разноцветной бумаги. Он вчитывается в документы, делает пометки, в толстой тетради. Много дали бы за эту тетрадку средства массовой информации и иностранные разведки. Человек заполняет формуляр: «Совершенно секретно. Второй этап эксперимента проходит в соответствии с ранее утверждённым планом. Поведение участников соответствует их характерно-психологическим портретам и потенциально сравнимо с оригиналами». Интрига продолжается.

© Смирнов Г., 2017
© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

I	7
II	10
III	13
IV	16
V	21
VI	25
VII	28
VIII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Геннадий Смирнов

Российский бутерброд

Дверь бесшумно отворилась и, в небольшой зал без окон, вошёл человек абсолютно неприметной наружности, полностью усреднённый как по возрасту, так и по всему остальному. Костюм на его средней фигуре сидел так же неопределённо: и не хорошо, и не плохо, а просто был одет. Может быть, если бы вошедший был вообще без костюма, то это трудно было бы заметить.

Он положил на кафедру чёрную кожаную папку и, обращаясь к аудитории, как-то не к месту весело произнёс: «Ну что, чёрная сотня?» В зале послышалась возня, покашливание и еле различимый шёпот, сопровождаемый недоумёнными, но выразительными взглядами присутствующих типа: «Он что, вообще с Урала? Кого он черносотенцами называет? Это нас, что ли, лучших из кадрового резерва? Он, что, вообще нюх потерял?»

Средний человек с удовлетворением наблюдал за поведением сидящих в зале. Открыл папку и что-то помечал в находившихся там бумагах, периодически поглядывая в аудиторию. Когда волнения почти улеглись, он нарочито громко захлопнул папку, тем самым призывая к порядку, и неопределённо улыбаясь, с некоторой степенью укоризны произнёс:

– Ну что же вы, господа, так разволновались из-за какого-то пустяка. Так ведь можно все хорошие впечатления о себе испортить в один момент. Я понимаю, что, оказавшись в кадровом резерве, вы поверили в некоторую свою исключительность. В определённых кругах вас действительно считают чем-то особенным, перспективными управленцами и тому подобное, но всё в мире относительно. После этих слов в зале наступила такая тишина, что стало слышно тиканье всех имевшихся там наручных часов. Удовлетворившись эффектом сказанного, усреднённый мужчина, уже более серьёзно приступил к запланированной речи.

– Итак, став членами первой президентской сотни, вы одновременно согласились с определёнными условиями пребывания в ней, включая некоторые ограничения ваших прав и свобод, в чём вы все, здесь присутствующие, добровольно расписались. Для убедительности он потряс в воздухе чёрной папкой. Со стороны это выглядело как: «все вы у меня вот где!» Убедившись, что возражений нет, он продолжил. – Я полагаю, вы обратили внимание, что сегодня вас здесь гораздо меньше, чем сто человек. Это потому, что вы в наибольшей степени подходите для участия в одной очень важной специальной программе. Главным образом это касается ваших психологических особенностей и основных черт характеров. Сейчас я вас ознакомлю, в общем, и в части вас касающейся, с проектом, в котором вам всем придётся принять участие. Никакие возражения и сомнения не принимаются, ибо, придя сюда, вы должны были оставить их за дверью. Прежде, чем ознакомиться с тем, о чём я говорил выше, вам необходимо дать письменное согласие, которое укладывается в рамки известных вам ограничений, однако таковы правила. Каждому из вас присвоен псевдоним, состоящий из имени и отчества, запомните его хорошенько. Он указан в документе, который вы сейчас получите и подпишите. Не бойтесь слов «инъекция» и «погружение в соответствующую среду». Ни то, ни другое не принесут вреда вашему драгоценному здоровью, оно ещё понадобится Родине, – не удержавшись, ехидно улыбнулся средний человек. И уже серьёзно, – сейчас с каждым из вас персонально займутся наши специалисты. Честно говоря, я вам даже в чём-то завидую. Вы побываете в таком мире, о котором не только простые обыватели, но вы сами можете только мечтать. Всё, до свидания. Программа началась. Мужчина незамедлительно покинул зал, оставив присутствующих в молчаливом недоумении. На смену ему в помещение стали входить люди в белых халатах, вызывавшие по псевдонимам онемевших «гениев» и уводившие их в неизвестном направлении.

I

– Ну как в городе дела?

– Да нормально вроде всё. Вот снег продолжаем убирать, даже на газонах его рыхлим, чтобы растаял поскорей. Дороги после зимы ремонтируем, а то уже скоро и гости заморские на праздник собираться начнут. Кстати, осмелюсь спросить, много ли их будет. Вы же, вроде, никого не приглашали.

– Будут, будут. Об этом-то я и хотел поговорить, а не о снеге с дорогами. Как насчёт убранства города дела обстоят?

– Ну, как... как обычно: автобусы флажками разукрасим, ленточки раздадим, плакаты тематические развесим, картинки там, соответствующие.

– Какие плакаты?

– Ну, эти... с этим...

– Да ладно, не суетитесь. Все уже давно знают, что за плакаты вы заготовили.

– Так я ж... это моё убеждение, имею право!

– Ну, насчёт прав вы как-нибудь поскромней, поосторожней, что ли. А то, что убеждения – это хорошо. А какие это у вас такие особые убеждения? У нас в Партии демократический централизм, так что и убеждения у всех одни, согласованные с генеральной линией, централизованные, так сказать. При этом говорящий многозначительно ткнул указательным пальцем правой руки в лепной потолок, сопроводив это движение глазами. Затем, словно вспомнив что-то, хмыкнул и, покрутив всё ещё поднятым вверх пальцем, плавно опустил руку, ткнув им в стол, и перевёл глаза на собеседника. – Ну, так что же, всё-таки, у вас за убеждения? Да не стесняйтесь, я же вам уже говорил, что это «секрет Полишинеля»

Собеседник посмотрел по сторонам, потом куда-то вниз, затем на сидящего за столом и выпалил – Сталин! Иосиф Виссарионович Сталин – Победитель.

– Что?! – наигранно грозно спросил Иван Иваныч, которому по статусу полагалось именно такое, самое распространённое имя-отчество.

– Да, хм-э, Сталин – выдавил из себя, сидевший за приставным столиком. Затем, несмотря на кажущуюся грозность начальника, добавил, – но я не думаю, что этим как-то нарушаю принципы нашего, так сказать, демократического централизма. Ведь именно при нём, – Михал Михалыч – так звали говорившего, так же, как ранее его собеседник, многозначительно возвёл глаза к тому же лепному потолку, – этот самый централизм обрёл свою магическую силу, укрепил, можно сказать, сцементировал ряды, и не только партийные. Окрылённый молчанием Иван Иваныча, Михал Михалыч уже было набрал воздуха в лёгкие, чтобы продолжить свой агитмонолог, но был прерван, как говорится, на взлёте.

– Ладно, хватит, а то вы мне сейчас Краткий курс Истории КПСС пересказывать начнёте. И так вижу, что у вас убеждение. Сейчас это большая редкость, а, следовательно, большая ценность.

Михал Михалыч после этих слов заметно приободрился, почувствовал себя слегка незаменимым кадром не только в хозяйственном, но и, в некотором смысле, в партийно-политическом плане. Это не ускользнуло от Иван Иваныча, но он сделал вид, что не заметил произошедшей с собеседником метаморфозы, продолжив свою мысль. – Но это, к сожалению, всё довольно относительно. Ведь ваши убеждения, как бы это помягче сказать, не совсем соответствуют декларируемой линии Партии. От этих слов Михал Михалыч вжался в кресло и втянул голову в плечи.

– Успокойтесь. Вы не просто слушайте меня, а слышите. Я же сказал – Де-кла-ри-ру-емой. Но, тем не менее, ваша любовь к Отцу народов может и, наверняка будет, расцениваться некоторыми из Руководства Партии и не только, как попытка посягнуть на принцип самого

Демократического Централизма. По меньшей мере, вас будут упрекать в неконструктивной фракционности и тому подобном.

Михал Михалыч промокнул обнажённые части головы носовым платком и, нервно скомкав, засунул его в боковой карман пиджака. Заметив нервозность в поведении собеседника, Иван Иванович решил несколько его приободрить, продолжив, но уже более доброжелательно, – но делать это они будут не оттого, что убеждены, что ваши убеждения наносят ущерб их собственным убеждениям, которые должны быть эквивалентны убеждениям Партии, то есть её руководству. А потому, что если они этого не сделают, то все поймут, что их убеждения тоже отличны от декларируемых ими же самими убеждений, на которых базируется убеждение всей Партии, считающей, что её убеждения являются для всех членов и не членов истиной в последней инстанции и руководством к действию. Михал Михалыч тряхнул головой, как после тяжёлого сна и вопросительно уставился на Иван Ивановича.

– Что, не совсем понятно? – Поинтересовался тот, внимательно взглянув в глаза Михал Михалыча. – Ну да... попытаюсь разъяснить более доступно, в двух словах. Короче, все, кто в Партии, особенно на вершине вертикали и около неё, находятся там совсем, или не совсем по убеждению.

– Ну-у-у? – с тяжёлым придыханием выдавил из себя Михал Михалыч.

– Я думал, что Вы, извините, убеждены, что это, простите, не так.

– Ваш, с позволения сказать, коллега по убеждениям относительно Иосифа Виссарионовича, тоже так думает, может быть даже уверен. Иначе, зачем бы он постоянно долдонил, что Партия взяла самое худшее из той, что в течение более, чем семидесяти лет была «руководящей и направляющей». А именно – беспринципность, то есть отсутствие убеждений у тех, кто должен довести эти отсутствующие убеждения до масс и убедить их в правильности этих убеждений. Тьфу ты, опять... достали эти убеждения. Короче, – это когда призывают делать одно, а сами делают совсем наоборот и думают, что этого никто не видит. Вот, – выдохнул Иван Иванович, – теперь понятно?

– Ну, в общих чертах. А можно вопрос?

– Ну конечно.

– А зачем тогда нам такая, извините, Партия? Куда она нас заведёт?

– Ну, «это элементарно, Ватсон», – извините за некоторый плагиат. В этом же её основная ценность! Вы, что же, думаете та, при историческом материализме, была другой? То есть, что там убеждённых было больше? Ну, может быть на начальном этапе – чуть-чуть, а потом...

На кого она опиралась? На бедняков. А кто такие в то время были бедняки? А были они, по большей части, бездельники и пьяницы – лежащие на печи Емели и мечтающие о «щучьем велении». Однако вовсе не для того, чтобы оно дало им больше земли, лошадь, новый плуг, а для того, чтобы по их хотенью они также лежали на печи, но более новой и тёплой и не с подведённым от голода брюхом, а сытыми и пьяными. И что, вы думаете, став активными членами и руководителями той Партии, борющейся за освобождение всего человечества от буржуазных предрассудков, они от этих предрассудков отrekliсь? Ну, конечно же, нет! Они стали использовать, как мы говорим, служебное положение в личных целях, то есть для удовлетворения своей мечты – тех самых буржуазных предрассудков. При этом они тщательно маскировали эти свои убеждения, убеждая других бороться за партийные убеждения. Ну, блин, опять эти ваши убеждения – бросил в сердцах Иван Иванович.

– Но почему мои? – На автомате парировал Михал Михалыч, и сам испугался своей дерзости.

– Да потому, что вы тут начали про свои убеждения, – не заметив фамильярности собеседника, и уже более миролюбиво сказал Иван Иванович.

– Но Вы меня сами...

– Ну хорошо, хорошо, – устало произнёс Иван Иванович. – Ладно, пусть убеждения. Так вот, в нашем случае отсутствие убеждений или их несоответствие официальной линии Партии – есть беспринципность. Здесь – то мы и подходим к ответу на вопрос, который вас так смутил. При этом Михал Михалыч напрягся, изображая само внимание. Иван Иванович же, не глядя на него, продолжил. – Я имею ввиду ценность отсутствия убеждений или беспринципности. Я говорю сейчас не о том, что видно всем, а о том, что видим Мы. Для нас сейчас чем хуже, тем лучше. Хм, где-то я это уже слышал или читал.

– Это наверно Владимир...

– Какой Владимир? – встрепенулся Иван Иванович.

– Ильич, Ульянов, Ленин – робко закончил прерванную начальником фразу Михал Михалыч.

– Ну да, ну да, – кивнул в знак согласия Иван Иванович с некоторым облегчением. – На чём я остановился? Надо систематизировать мысли, а то вы меня совсем запутали вашими убеждениями, принципами...

– Чем хуже... – начал тоном подсказчика стоящему у доски ученику Михал Михалыч.

– Ага. Так вот. Беспринципной Партией, я имею в виду всех сверху до самого низа, очень легко управлять. Ей же всё равно, что делать, куда идти и вести за собой: скажем Мы в капитализм – поведёт в капитализм, скажем в коммунизм или ещё куда-нибудь – поведёт туда. Для неё ведь главное правящей быть, при власти находиться, а какая будет власть – это ей всё равно.

– Так, если она правящая, то, стало быть, она всем правит, а Вы говорите... – удивлённо произнёс завороченный выводами Иван Ивановича собеседник.

– Михал Михалыч..., так и хочется сказать, как в «Бриллиантовой руке» – Семён Семёныч... ну вы как сегодня родились. У вас же в городе не одни выборы прошли. Ладно, на сегодня хватит, у меня ещё других дел выше крыши. И, шутливо погрозив пальчиком уже поднявшемуся из кресла Михал Михалычу, добавил – всё таки разберитесь с вашими плакатами, – кто там победитель, а кто просто так.

– Есть! – По-солдатски гаркнул тот, чуть не щёлкнув каблуками. Иван Иванович снисходительно поморщился, но Михал Михалыч, не замечая его реакции, уже более тихо, придавая голосу максимум конфиденциальности, поинтересовался – А если спрашивать будут зачем я у Вас был...

– А прочему это кто-то должен спрашивать? – насторожился Иван Иванович.

– Ну, мало ли. Может кто-нибудь заинтересуется, – неуверенно произнёс Михал Михалыч, осторожно протискиваясь между креслом и приставным столиком, к выходу.

– Вот вы и расскажите потом, кто интересуется. До свидания, – подытожил Иван Иванович, слегка прихлопнув ладонью правой руки по крышке стола, давая понять собеседнику, что разговор на сегодня окончен.

Дверь кабинета бесшумно закрылась. Его хозяин откинулся на спинку кресла, упёрся затылком в массажный подголовник и закрыл глаза.

– Вот хитрющий старикан! Не так он прост, как кажется, вернее, – хочет казаться. Его без хрена не сожрёшь: он ещё кого угодно купит, продаст, опять купит и продаст, но уже гораздо дороже. «А если спрашивать будут...» – передразнил про себя Иван Иванович недавнего посетителя. Прекрасно ты знаешь, что никто не спросит, и также прекрасно понимаешь, что лучше бы спросили, потому что ответы у тебя – сплошные козыри. Тебе этот визит, как манна небесная, как выигрыш в лотерею, в некотором роде, оберег. Да ладно, Бог с ним, пусть поживёт, может ещё пригодится.

II

Хотелось забыться, но не давала покоя мысль – не рано ли всё это затевать и надо ли вообще. Хотя, если что-то делать, то надо начинать сейчас, самое время, ибо, – как говорил основоположник теории построения социализма в отдельно взятой стране, – промедление смерти подобно. Если же решать: «быть или не быть», то надо ещё раз взвесить все «за» и «против». Самое простое – «забыть» на всё и, поменявшись местами, просидеть восемь лет, дожидаясь своего времени. Хотя каких восемь? Двенадцать! Это ж Его холуи протолкнули и приняли новые сроки, вроде как от моего имени, а «он тут не причём»! Хотя в действие они вступят только с его приходом! Ещё двенадцать лет в его тени, да тут четыре – это будет даже больше, чем у Ходорковского! Тьфу-тьфу-тьфу – сплюнул Иван Иванович через левое плечо и постучал костяшками пальцев по деревянной части стола, – нашёл с кем сравнивать. Да на эти двенадцать ещё договориться надо. Скорей всего, можно рассчитывать на шесть. Тоже время. Кстати, а почему бы не попробовать применить этот закон к себе. Неужели невозможно найти какую-нибудь зацепку?.. Наверно, можно, но договоримся ли? Ему уже давно не терпится. Короче, в лучшем случае двенадцать лет на коротком поводке, но без всякого геморроя, если не учитывать благоверную. Можно считать этот вариант «против» – решил Иван Иванович и поставил жирный «минус» рядом с цифрой 1, написанной на листочке бумаги особого формата. Что мы имеем на второе? – Продолжил он свои нелёгкие размышления, – желание продолжить работу по реализации всего надуман... , то есть, задуманного, а для этого необходимо время. Время и гораздо больший административный ресурс. А вот что бы всё это поиметь, надо решиться скинуть с себя тяжесть Его руки и выскользнуть из-под Его влияния, хотя бы внешне, для всех. Как? Нужны какие-то прорывные проекты, как в политике, так и в экономике и рупор нужен, который всё это пропиарит и, в случае необходимости, в качестве руководящей и направляющей силы выступит. То, что сейчас руководит и направляет, – всё под ним, да и не очень-то оно нравится окружающим, хотя сильно своей беспринципностью. Кстати, посмотрим, что обо всём этом думают в массах наиболее продвинутого населения – произнёс вслух Иван Иванович и, развернувшись в кресле на девяносто градусов, нажал какую-то кнопку, отчего перед ним бесшумно открылась крышка инкрустированного малахитом столика со встроенным в неё широкоформатным монитором уже светящимся мягким бело-лунным светом.

– Ага, вот они, волеизъявления и пожелания, как говорится, трудящихся, – задумчиво произнёс Иван Иванович, не спеша пролистывая курсором беспроводной «мышки» высветившиеся на экране записи.

– Всё, в основном, о результатах олимпиады, – продолжил он уже про себя. – Ну, блин, вообще стыд потеряли, смотри, что пишут: «Что же это, Вы, Иван Иванович, на весь мир, отличными в бронзу словами, обещали с чиновниками от спорта разобраться, а они, кроме председателя нашего родного Олимпийского Комитета, все в тех же креслах. Что случилось? Слабо? Теперь понятно, кто в доме хозяин».

– Смотри, какие хамы, и подписываться не боятся, – проворчал в полголоса Иван Иванович, злясь больше не на того, кто всё это написал, а на своё поспешное заявление, сделанное без учёта объективной реальности. – Неужели они только дерьмо всякое подмечают, – продолжал думать он, вращая колёсико «мышки». – А... вот, есть всё же порядочные люди: «Спасибо, – говорят – Вам, большое, Иван Иванович, за то, что в этом году пообещали всем бездомным офицерам квартиры дать отдельные и обустроенные. Мы люди не молодые и помним заботу Партии и Правительства об армии, которая тогда была с народом едина, неплохое тогда было время, но перспективы были очень отдалённые: тогда весь советский народ, а, следовательно, и армия, как единый с ним организм, должны были жить в отдельных квартирах аж в 2000 году. А теперь – вот те на, всё и сразу! Приходим мы после ненормированного рабочего дня

домой – это у нас так палатки, кирпичом и досками обложенные называются. В них нас ещё Михал Сергееч из Афгана, да из других загранич переселил. И вот мы под треск дровишек в «буржуйке» (чувство, я вам скажу ни с чем не сравнимое, наверно, как в каминном зале коттеджа какого-нибудь чиновника) считаем отложенные на мебель, и волнуемся, чтобы цены на неё до конца года не сильно повысились. А как же, в следующем уже совсем другая жизнь будет».

– Ну вот, молодцы! – Улыбнулся Иван Иванович, – верят же в светлое будущее. Понимают, что здесь не совок. И так у него на душе хорошо стало, светло, что он забыл зачем, собственно, в сеть залез. И на волне радужного оптимизма продолжил накручивать «мышь» в поисках ласкающих глаз и радующих душу записей. – Вот оно, – вдохновенно прошептал Иван Иванович, – дети благодарят (много подписей), что скоро смогут в компьютер у себя в деревне играть, а то сейчас надо в райцентр ездить, там один есть, но денег стоит и очередь огромная. Ещё им, вроде, скоро в деревню свет должны провести.

– Да... – протяжно произнёс Иван Иванович, откинувшись на спинку кресла и мечтательно закрыл глаза. Где-то из-под корки, из самых глубин его сознания почему-то всплыл Филиппок. Но привиделся он не тяжело влачащим по сугробам маленькие ножки, обутые в огромные отцовские валенки (как видел это наш великий классик Л.Н.Толстой), направляясь в заметённую по окнам снегом деревенскую школу, а сидящим в уютной натопленной избе за выскобленным до бела столом. Мальчик тыкал, маленьким указательным пальчиком с обгрызанным ногтем в клавиатуру старенького, но ухоженного и ещё вполне рабочего Notebooka и, сосредоточенно глядя на экран, бесшумно шевелил губами. Что он там делал – воображение не очень хотело раскрывать, но, судя по наличию модема, наверняка «был в И-нете». Это видение настолько тронуло Иван Ивановича, что он почувствовал, как даже под закрытыми веками глаза его увлажнились. Он стал впадать в какой-то блаженный транс, сопровождающийся состоянием невесомого полёта по гигантской спирали, раскручивающейся с невероятной центробежной силой, увлекая его за собой. Однако, несмотря на огромную скорость, Иван Иванович не чувствовал никаких неудобств и перегрузок. Окружающее чем-то напоминало ему полёт Вакулы верхом на чёрте в Санкт-Петербург в старом чёрно-белом фильме «Ночь перед Рождеством»: почему-то было темно, мимо проносились какие-то светящиеся небесные тела, вокруг мерцали звёзды, а внизу – огни и огоньки городов и весей необъятной родины. Спираль всё дальше и дальше, по абсолютно правильным концентрическим окружностям, относила Иван Ивановича от того места в российской лесостепи, где он видел за компьютером Филиппка. Но, как ни странно, он успевал видеть интерьеры городских квартир и деревенских изб, в которых взрослые и дети с энтузиазмом жали на клавиатуру и внимательно вглядывались в мониторы компьютеров, извлекая для себя, кто знания, кто сплетни, а кто и удовольствие из всемирной паутины. В некоторых окнах вместо электричества брезжил огонёк свечи или фитиля керосиновой лампы с закопченным, от долгого пользования, стеклом. – Как же это они без света?.. – Кольнула занозой неприятная мысль. – Ну, конечно, пользуются источником бесперебойного питания, – с облегчением вздохнул Иван Иванович, и душевное равновесие его восстановилось. Но вдруг он опять ощутил какой-то дискомфорт, вызванный назойливым, то ли звоном, то ли звуком сверлящей бетон, дрели. Это зуммер телефона-вертушки грубо вторгся в его внутренний мир, прервав полёт мысли где-то на границе Московской и Тверской областей.

Звонил один из ближайших помощников – Вадим Вадимыч, или просто Вадим.

Совсем отойдя от грёз, Иван Иванович прокашлялся и поднял трубку. – Здравствуй, Вадим. Что-то срочное? Уже готово? Заходи, конечно. Вадим, несмотря на довольно юный для политика возраст, был очень искушённый в аппаратных играх, особенно в части изобретения и материализации различных проектов общественно-политической направленности. О его недюжинных способностях говорит и тот факт, что Иван Иванович не первый, на кого он работает. Сохраниться ТАМ, сами понимаете непросто, когда новая метла, хоть и сделана из

прутьев того же дерева, что и предыдущая, но метёт, зачастую, очень по-новому. А если учесть, что караул меняется полностью, всей командой, – то почти невозможно. Однако Вадим смог. Оказалось, что он нужен всем, Правда все те, кому он поочерёдно был нужен не совсем верили в его преданность и бескорыстность и, помимо признания его таланта, смотрели на него как на «чужого среди своих». Поэтому все конфиденциальные поручения, которые он выполнял, были конфиденциальны настолько, насколько это безопасно в случае попадания информации о них в чужие руки. Вот и Иван Иванович несколько дней назад, проявляя озабоченность положением дел, в связи с некоторыми событиями в регионах, попросил Вадима предоставить ему максимально объективную картину о партийных пристрастиях «подданных» как в центре, так и на местах и, в этой связи, о деятельности там самих партий. Ничего особенного и предосудительного. Просто руководство хочет держать руку на пульсе, чтобы во время реагировать. Сделать из такого поручения какие-то далеко идущие выводы невозможно.

В дверь постучали. Иван Иванович нажал на кнопку, отключив изображение на мониторе, и приподнялся навстречу входящему с кожаной папкой под мышкой, Вадиму.

– Ну что там у тебя? – несколько раздражённо спросил хозяин кабинета, кивнув головой на папку. Слегка склонив голову вправо, так же молча, Вадим извлёк из неё корочки с триколором и гербом, и протянул их Иван Ивановичу, который, в свою очередь, жестом предложил собеседнику присесть за приставной столик. Раскрыв корочки, Иван Иванович пробежал глазами содержимое, перевернув одну за другой три страницы текста, отложил документ в сторону.

– С этим я позже разберусь. У тебя что-то ещё?

– Нет, сейчас всё. Я, если можно, потом.

– Ладно, давай потом. До свидания.

III

Михал Михалыч устало плюхнулся на заднее сиденье служебного авто, шофёр мягко закрыл за ним бронированную дверь с явно превышающим норму тонированным стеклом, сел за руль и, повернув голову через правое плечо, вопросительно посмотрел на вельможного пассажира. Михал Михалыч вяло махнул рукой, – вперёд, затем также вяло, но уже голосом добавил, – проедемся по кольцу, посмотрим, что там делается. Представительский «Мерседес» плавно тронулся с места и покатил босса в указанном направлении.

День совсем недавно перешёл в свою вторую половину, но солнце ещё светило не повесенному ярко. Транспорта по пути следования было не очень много, машина шла равномерно, без рывков, мягкие амортизаторы сглаживали неровности дороги. В другое время такая обстановка непременно свалила бы Михал Михалыча в короткий, но глубокий и плодотворный, как у Штирлица, сон. Но сейчас из головы его не шла странная встреча. Мысли о ней гвоздём сидели между полушариями ума, но всячески ускользали от попыток хозяина головы свести их воедино и систематизировать, чтобы понять и оценить всё произошедшее в высоком кабинете. Кстати вспомнив, что он непросто так решил прокатиться по кольцу, Михал Михалыч сосредоточился на происходящем за затемнённым стеклом «Мерседеса» и, тем самым, отвлёкся от неприятных и бесплодных раздумий.

За окном лица среднеазиатской национальности не спеша перелопачивали остатки грязного ноздреватого снега на газонах. Другие их собратья собирали мусор при помощи гигантских деревянных щипцов, подобных тем, которые придавались к популярным советским стиральным машинкам типа RIGA для выуживания из их чрева постиранного белья. Дальше несколько таких же трудящихся сгребали на обочине проезжей части зимнюю грязь и бросали её в ковш огромного жёлтого погрузчика, занимающего по ширине, чуть ли не целую полосу.

– Зачем такой здоровый трактор обслуживает двух узбеков. Неужели нельзя собрать всё это дерьмо в кучу, затем подогнать самосвал и загрузить его в кузов? – По инерции отвлечённо подумал Михал Михалыч. Но тут же вышел из забытья и чуть не подпрыгнул на мягком кожаном сиденье, грязно выругавшись. Первой его реакцией на такую вопиющую бесхозяйственность было желание остановить машину и навешать всем по самое не могу: и азиатам, лениво скребущим грязь, и трактористу, вальяжно кутившему в бесцельно переводящем солярку погрузчике. Положение не позволяло опуститься до такого. Хотя популярности, наверно, прибавилось бы. Но комфортный «Мерс» уже прокатил его довольно далеко от места «преступления». Однако оставить увиденное без внимания было не в натуре Михал Михалыча. Он, не мешкая, соединился с автомобильного телефона с соответствующим начальником, на территории которого происходило безобразие, и вдул ему так, что тот начальник сам готов был немедленно бежать на указанное место и, ценой собственной жизни ликвидировать прорыв.

Не более чем через километр Михал Михалыч с ужасом подумал, что у него «дежа вю»: опять те же узбеки грузят в тархтящий жёлтый погрузчик такую же точно грязь.

– Этот город с ума сведёт кого угодно, – подумал он, мотнув головой и сделав губами бр-р-р. Но через секунду с облегчением отметил, что тракторист спит в кабине, а азиатов не два, а три и одеты они как-то по-другому, в отличие от тех, предыдущих.

– Если тракторист мог накуриться и уснуть, – продолжил убеждать себя Михал Михалыч в своём же полном психическом здоровье, – то дополнительный узбек вряд ли мог родиться и вырасти так быстро. Значит со мной всё нормально. А у кого не нормально, тот сегодня пожалеет, что вообще родился и дожил до этого дня.

Машина заметно замедлила ход и через несколько десятков метров остановилась.

– Что там такое? – раздражённо спросил у водителя градоначальник.

– Да троллейбус раком встал, к остановке не может подъехать. Задолбали эти «хачмоби».

– Какие мобили?

– Ну, это раздолбанные «пятёрки» и «шестёрки» ВАЗовские, с тонированными стёклами так называют. На них «хачики» бомбят – пояснил водитель.

– Это как? – оживился Михал Михалыч, интуитивно почувствовав несанкционированное вторжение в зону своих хозяйственных интересов.

– Да так. Очень просто. Конкуренцию городским такси создают. Да чёрт бы с ней, с этой конкуренцией. Понаставят своего хлама на остановках, что ни автобусам, ни троллейбусам не подъехать, а из-за этого постоянные пробки. У метро так вообще труба.

– Да хрен с ними, с пробками! – Взвился Михал Михалыч, поняв, наконец, откуда дует ветер. – Я из кожи вон лезу, деньги на городские таксомоторы вбухиваю, а они, видишь ли, конкуренцию устраивают! Убрать всех к чёртовой матери! Где гаишники? Почему ничего не делают? Я тебя спрашиваю!

– А я тут причём? – Так же на повышенных тонах возмутился водитель. – Была б моя воля – я бы не только права у них позабирал, если они у них есть, но и хламы эти по пятьдесят тысяч в утиль сдал! Тут Вы не меня, а ментов дрючить должны. Хотя они сами всё знают и интерес их здесь, наверняка есть.

Михал Михалыч вопросительно посмотрел на водителя, но тот, не заметив пристального взгляда начальника, продолжал – а если бы не было, думаете эти «хачи» так нагло себя бы вели? Явно по таксе кому надо платят. Народ даже говорит, что все эти тачки между ментами поделены и им же принадлежат. «Бабки» у них есть, – накопили по триста – четыреста баксов за штуку через доверенности и бомбилам в аренду сдали, а те им еженедельно фиксированную плату за это откатывают.

– Ну, ни хрена себе! Это что, правда? – Возмутился Михал Михалыч. А про себя подумал – ну вообще, блин, менты оборзели, мало им того, что есть, так уже в моё, то есть, городское хозяйство полезли. Надо что-то с ними делать, иначе сожрут даже меня.

– Не знаю, народ говорит. А дыма без огня не бывает. Раз всё это существует и развивается, значит это кому-то нужно, значит, есть кто-то. А если это так, то этого кого-то можно найти, если Вам нужно, и всю эту схему одним махом накрыть. Только хорошенько подумать и постараться надо.

– Что ж ты, такой умный за рулём сидишь, а не в каком-нибудь другом кресле? – Съязвил Михал Михалыч.

– Да не умнее я других. Просто это меня касается и именно потому, что за рулём ездю, а иногда и на автобусе. Кстати, стоят такие мобили на остановках, а внутри – никого, их «хозяева» где-то в сторонке покуривают и семечки жрут. А что в этой машине? Кто знает? А если килограмм сто тротила, а на остановке автобус-гармошка и там человек сто с лишним. Мало никому не покажется!

– Ты что, мне тоже предлагаешь на автобусах разъезжать? Когда же я тогда работать буду?

– Зачем Вам на автобусах, – хотя неплохо бы было проехаться, только как-то инкогнито, без сопровождения, а то если узнают, что собрался – обязательно автобус с мигалкой подготовят, – подумал водитель, а для шефа продолжил – Вы и из машины или кабинета многое сделать можете. Начальство милицейское, например, напрямч по поводу «хачмобилей». Не справятся – снять с должности, новый начальник, поверьте, в три дня всех разгонит.

Михал Михалыч ничего не ответил, а только тяжело вздохнул и подумал: – эх, Вася, Вася... твоими бы устами да мёд пить. На месяц это всё. Придут другие, и им захочется кушать свой кусочек хлеба с чужим куском масла. Да и у теперешних это масло отобрать, – ох каких трудов стоит! Да ладно, разберёмся как-нибудь, не впервой. К этим невесёлым мыслям доба-

вились не более оптимистичные воспоминания о сегодняшней встрече, полной недомолвок и неопределённостей.

Резкие и беспорядочные гудки звуковых сигналов сбившихся в пробку разнокалиберных авто вывели Михал Михалыча из задумчивого оцепенения. Он тронул водителя за плечо и потряс кистью правой руки по направлению к лобовому стеклу, – ну давай, поехали скорей, включай «синяк», времени нет.

Двигатель увеличил обороты и бронированный «Мерседес», плавно набирая скорость под кряканье спецсигнала и синее мерцание мигалки, вклинился в пробку, раздвигая ряды машин, как крейсер форштевнем разрезает тугую набегающую волну. Уверенный в своей неприкасаемости, обусловленной государственной необходимостью, спецавтомобиль двигался к намеченной цели.

IV

Тем временем, в тиши кабинета Иван Иванович внимательно изучал подготовленную Вадимом справку. Картина вырисовывалась довольно интересная. Не всё так гладко было «в Датском королевстве». Не очень-то нравилась среднестатистическому гражданину консервативная демократия или демократический консерватизм, объявленный усатым партийным предводителем.

– Что же так не нравится массам в Партии? – Задумчиво, в полголоса, как говорится, себе под нос, бормотал Иван Иванович. – Ну, конечно самое главное – чиновники с их бюрократией и коррупцией. А кого видят за партийными кулисами, кто режиссирует? Он. Ну что же, не плохо, не плохо. Однако, всё равно, это казённая бумага, поэтому для полноты картины обратимся, как говорится, к первоисточнику. С этими словами Иван Иванович вновь развернулся к монитору, засветил экран и погрузился в свой блог. А куда же ещё народ напишет?

– Мндаа... и здесь то же самое, только покруче. Как Её только не называют. Да, выиграть «в сухую» при таком отношении со стороны соперника – это высший пилотаж. Вот что значит административный ресурс, если им правильно пользоваться. А какой приток беспринципных пошёл сразу! Но на кой им нужны все эти бывшие спортсмены и клоуны. Хотя, если хорошо подумать, можно притянуть под это государственную заботу о развитии спорта: повесили морковку и к ней тянутся, а чтобы быстрее схватить – быстрее бегут и выше прыгают. Получил медальку и, глядишь, уже в рядах, а оттуда и до написания законов не далеко. Да у них там, оказывается, ещё и нетрадиционалы! Размах!.. Всех подобрали. Хотя, по-моему, это уже перебор. Ну вот, пишут: «Зачем Вам, уважаемые господа, пидоры в Партии? Или и в руководстве есть заинтересованные лица? Вы огласите весь список, пожалуйста, возможно ряды Ваши значительно увеличатся. Ведь это же престижно какого-нибудь высокого партийца... или наоборот».

– Тьфу, пошлятина. Что же они сюда всё дерьмо сливают? Я им что, ассенизатор? Неужели в стране ничего положительного нет? Ведь о скольких проектах национального масштаба заявлено было, сколько программ принято! Что им ещё надо!? – Не в силах сдерживать эмоции воскликнул Иван Иванович, взявшись за «мышку», что бы пролистнуть страницу. Но вдруг отпрянул от экрана, на котором непонятно откуда появилось: «Хотелось, чтобы по ним ещё что-нибудь делалось». Он мотнул головой, как бы, стряхивая тяжёлое наваждение. И со словами – что это за хрень? – вновь придвинулся к монитору.

– Это не хрень, – напечаталось на экране, – Вы же со мной сами начали разговаривать.

Иван Иванович, будучи человеком продвинутым в компьютерных технологиях, начал допускать, что ему специалисты установили какую-то сверхновую штучку, но не предупредили, отчего потихоньку начал возвращаться в реальную действительность и, в принципе, уже готов был к диалогу. Мешало одно – кто ещё может его слышать и читать то, что появляется на мониторе. Однако любопытство взяло верх, и он решил продолжить эту необычную беседу.

– Не с кем я не разговаривал.

– Ну как же? Вы только что сказали: «Что им ещё надо?» А я тот самый, кому надо, что бы хоть что-то делалось из того, что говорится. Иван Иванович потёр кончиками пальцев виски, выдохнул и неуверенно предположил – ну хорошо, допустим, но вы-то как это услышали? Это что, какая-то новая «фенька» в IT-технологиях?

– Думаю – нет. По крайней мере, у меня ничего нового не установлено.

– Тогда как?.. – Иван Иванович не смог подобрать подходящий глагол.

– Очень просто, – напечаталось на экране монитора, – надо просто очень захотеть пообщаться с Вами. Вам же интересно, что вообще делается в, так сказать, Вашей стране.

– Несомненно... но почему именно вы? Ведь, насколько я понимаю и вижу, и других желающих предостаточно.

– Ну, вероятно, они не так сильно желают, а может уже просто «забили» на это дело ввиду его бесперспективности. А я вот терпеливей оказался и мне повезло.

– Как-то странно появляются надписи: не по буквам, как если бы кто-то печатал, а сразу целыми предложениями и мгновенно, фантастика... – подумал Иван Иванович. И уже вслух произнёс – а скажите, уважаемый, кто-то ещё может видеть то, что вы пишете?

– Насчёт написанного, думаю, что нет. – Высветилось на экране. – Даже если и увидит кто-то, – ничего не поймёт. Выдернутые из контекста фразы ни о чём не говорят. К тому же, если Вы заметили, – всё написанное моментально исчезает, стоит Вам прочитать. А вот что касается Ваших слов, здесь, думаю, всё зависит от оборудования Вашего же кабинета.

Иван Иванович на секунду закрыл глаза, а когда вновь взглянул на монитор, – тот был абсолютно чист и светился ровным бело-лунным светом.

– Полтергейст какой-то, – тихо произнёс он и вновь потёр пальцами виски.

– Никакой я не полтергейст, я блоггер. – появилось на мониторе.

– Ну хорошо, хорошо, вы можете немного подождать, мне надо всё происходящее переварить.

– Конечно, – отпечаталось на месте предыдущей фразы, – ждать мы умеем, привыкли.

Иван Иванович чувствовал себя, с одной стороны, продуктом технического прорыва, произошедшего в результате инноваций, модернизации всего подряд и нано технологий, а с другой, – сказочным персонажем в дремучем средневековье, пронизанном всевозможной чертовщиной. Он откинулся на спинку кресла, приготовившись обдумать происходящее и сделать соответствующие выводы. Но подозрительно покосился на монитор, – а вдруг он меня видит? – Встал, вышел из-за стола и устроился на диване, вне зоны его видимости. Не успел он собрать воедино всё произошедшее сегодня, как мозг кольнула наиболее реальная в текущей действительности, догадка – а не провокация ли это всё с Его стороны? – Очень даже может быть. Очень может быть... – задумчиво повторил про себя Иван Иванович. Подключили к моему компу какую-то импортную хреновину (свою сделать ума не хватает) и думают развести меня на фантастике. А я сам такое могу нафантазировать, что кто угодно, ну или почти кто угодно поверит, да ещё выполнять кинутся. Пока будем исходить из этого.

Иван Иванович вернулся в рабочее кресло и, развернувшись к монитору, осторожно поинтересовался: – Вы ещё здесь?

– Здесь, – моментально зачернело на экране.

– Так собственно, из-за чего вы, так сказать, здесь появились?

– Из-за Вашей реакции на записи в блоге. Точнее, из-за моей озабоченности, что мы так и продолжаем слишком много говорить. Как сказал один из далеко не положительных героев в фильме «Адьютант его превосходительства»: «Мы в России привыкли слишком много говорить. Говорим по всякому поводу и без всякого повода. Мы исходим словами. На дела у нас не хватает времени и сил. В результате мы имеем то... что имеем...».

– Сколько пафоса! – Ехидно скривился Иван Иванович.

– Зато правда, – парировал монитор, так резко «выплюнув» на экран фразу, что Иван Ивановичу почудился за ней полный нескрываемого раздражения голос, настолько явно, что непроизвольно заставил его отодвинуться подальше от монитора. Через мгновение он отругал себя за малодушие и, произнеся в полголоса, – чушь какая-то, – вернулся в исходное положение.

– Что чушь? – Появилось на мониторе.

– Да всё, что сейчас здесь творится!

– Да не здесь оно творится, а там, за окном! – Ещё злее, как будто жирным шрифтом, отпечаталось на экране. Затем немного спокойней: – ну почему же Вы, политическая и прочая **элита**, изучавшая в университетах марксистско-ленинскую и другие философии, упорно игнорируете их (философий) основы и, несмотря ни на что, стараетесь войти в одну и ту же

реку дважды и нас за собой тянете? И что самое интересное – у Вас это получается. Как говорится, нет такой задачи, которую бы не могли решить большевики, в Вашем случае -Единопартийцы. История должна развиваться по спирали, не заставляйте её двигаться по кругу! А то, как начали в 1917 году раздувать пожар мировой революции, так до сих пор остановиться не можете. Хотя, по крайней мере, внешне, у вас с теми, общего совсем ничего. Тем не менее, те сначала вбухивали валюту в венгерских и германских пролетариев, в тридцатых годах кормили третий интернационал и испанских коммунистов. После победы в войне, учинённой откормленными ранее германскими пролетариями вкупе с венгерскими, – посадили на усиленный паёк вновь созданный соцлагерь, сплошь состоявший, кстати, всё из тех же ранее откормленных и не совсем, пролетариев. Чуть позже приплюсовали туда же мировое коммунистическое движение, о котором многие узнали из расписания и направления движения же, но только наших товаров безвозмездно, то есть даром. После развала СССР вроде немного успокоились, но как только стали жить чуть-чуть лучше, – взялись за старое, но теперь уже вы. И всё в ущерб своему собственному народу. Неужели история так ничему и не научила? Ведь проходили уже это, – как только перестали кормить, так сразу же все и улетели, да ещё и нагадили сверху. Но Вы упорно продолжаете тянуть нас в ту же реку, наступая по пути на те же грабли: опять льготные цены на газ для, вроде бы, проявляющих лояльность соседей, нефть по дешёвке, льготные кредиты, а то и просто так, в подарок, двадцать миллионов долларов – это только то, что общеизвестно. Нам самим ведь деньги не нужны, зачем они нам? У нас всё хорошо: и пенсионеры достойно живут, и армия на высоте по всем показателям, и свет с дорогами везде есть, и здравоохранение одно из самых лучших и бесплатных, и, и, и...

Иван Иваныч воспользовался замешательством виртуального собеседника, что бы как-то прервать не совсем приятный для него разговор, обвинив того в неконструктивном политическом иждивенчестве.

– Да что вы понимаете в мировых политических и экономических процессах!? Что вы вообще такое? Критиканством заниматься дело не хитрое. Вы сами хоть что-нибудь путное в состоянии предложить?

– Считайте, что Вашу грубость я записал в свой актив, ибо расцениваю такую невыдержанность как свою правоту. Посему позволю себе, в качестве совета, предположить, что гораздо лучше было бы выстроить со всеми, включая соседей, ровные экономические отношения, несмотря ни на какие религиозные, этнические и языковые общности, а только в угоду своей стране, своему народу. Тогда, наконец, Россия приобретёт действительное экономическое, социальное и военное могущество. Получит международное признание и авторитет не как неиссякаемая нефтегазовая скважина, охраняющаяся непредсказуемым ракетно-ядерным щитом, а как страна с мощной реальной экономикой, процветающим, социально защищённым населением, уважающим власть и гордящимся своей Родиной, по-хорошему, с достоинством, глядящим на соседей. И будьте уверены, все, кого мы сейчас пытаемся задобрить, что бы как-то сделать из них союзников и втащить в то бытие, сами придут со всем, что у них есть, проситься туда. Но уже мы будем определять условия их приёма, без всякого политического и экономического торга. А не захотят, так и Бог с ними. Ведь к тому времени нам будет на деле абсолютно ясно и понятно, что и без них можно прекрасно жить. Но пока будем игнорировать прошлое и по старинке, как проще и привычней, строить будущее, – нас будут сосать, как общественную свиноматку, а мы будем делать вид, что это наши родные поросята. Но они, (те, кто сосёт), знают, что это не так и, как только им не понравится качество молока или сиська, которую им предлагают, они тут же взбрыкнут и перебегут к другой мамаше. А наши собственные детки так и останутся полуголодными и худыми.

Иван Иванычу трудно было что-то противопоставить сказанному, вернее, написанному, но оставаться в долгу он не любил и по должности это ему было не положено. Оттого он не

преминул акцентировать внимание на «свинской теме», задав вопрос с возможно максимальной долей ехидства, которую позволяло ему его положение.

– А что же, вы, такой радетьель за благосостояние российского народа, его со свиньями сравниваете?

Ответ на экране появился мгновенно. – Иван Иванович... Ну, это уж вообще из области «тогда уходи из моей песочницы». Хотя, если по сути, то, к сожалению, очень немалая часть граждан, вверенной ими же Вам страны, живут хуже, чем свиньи в современных свиноконплексах.

– Ага! – чуть не подпрыгнул от радости Иван Иванович, – всё-таки программы работают, процесс модернизации и инновации идёт! Не будь их, и свиньи не жили бы лучше людей!

На мониторе зачернели фразы, так точно выражающие ехидный смешок, что Иван Иванович понял: в пылу дискуссии ляпнул что-то лишнее.

– Ну конечно, – осознал он свою промашку, – чего радоваться, если свиньи живут лучше людей? Не для того мы инновацию и модернизацию провозглашали, что бы только свиньям было хорошо. И тут его посетила такая мысль, от осознания которой лоб покрылся испариной, сердце забилося невпопад и конечности слегка онемели. Она перечёркивала все начинания и благие намерения, всё, что было обещано народу и ещё планировалось пообещать.

Получалось, что без инноваций и модернизаций свиньи бы жили в старых комплексах или не жили бы вообще, тогда уровень жизни определённых слоёв населения, несомненно, был бы выше, и никто не смог бы сказать, что эти люди живут хуже, чем свиньи, потому, что они жили бы лучше. Из этого следовало то, от чего Иван Ивановичу и стало не по себе: инновации, и модернизация не нужны людям, они им, даже может быть, вредны. Выходило, что от них выигрывали только свиньи!

– Нет, не может быть, – в полусознании пробурчал он себе под нос.

– Что? – появилось на экране.

– Ничего, это я о своём, – адекватно отреагировал, совсем уже пришедший в себя, Иван Иванович, облегчённо вздохнув по поводу того, что всё, о чём он минуту назад думал, не покинуло пределы его головы. Однако, пережитый от всего этого стресс, резко уменьшил интерес к продолжению диалога, и хозяин высокого кабинета решил завершить общение, по крайней мере, сегодня. Но уйти разбитым морально и физически он не мог, поэтому, даже несмотря на сделанные раньше страшные умозаключения, решил защитить своё детище, а потом уж закончить. Поэтому произнёс неожиданно бодро после всего пережитого, – но ведь не всё так плохо, есть же, всё-таки, положительные моменты, и это благодаря практическому воплощению наших программ!

– Не могу с Вами не согласиться и очень рад, что хоть что-то делается, – отпечаталось на мониторе. Невидимый собеседник не стал развивать мысль, вероятно, тоже устав от общения.

– Вы знаете, мне тут надо поработать с документами, поэтому я вынужден с вами расстаться, – голосом полным добродушия и благодарности за признание своих заслуг произнёс Иван Иванович, – однако, как вас найти, если мне вдруг захочется услышать глас народа, я вас так для себя назвал.

– В блог свой зайдите и мы обязательно встретимся.

Прочитав эту фразу, Иван Иванович посчитал разговор законченным и выключил компьютер. Ему действительно надо было поработать, но ещё больше он нуждался хотя бы в получасовом отдыхе, а затем в анализе всего произошедшего. Своё намерение он передал дежурному секретарю по внутренней связи фразой, высказывающей по этому поводу, на автомате из всех начальников всех времён и народов, – в течение часа меня ни для кого нет. И секретарь ответил ему тоже на автомате, в манере всех секретарей всех начальников всех времён и народов, – а если... – но не спешил с продолжением, потому что прекрасно знал, что будет прерван, также

присущими только начальникам словами, – ни для ко-го! Произнесёнными, для убедительности, по слогам и громче обычного.

Еле заметная дверь комнаты отдыха в одной из стен кабинета беззвучно закрылась за Иван Ивановичем.

V

Пацаны! Сталин им не нравится. – Недовольно пробурчал Михал Михалыч, барабанив пальцами по крышке рабочего стола, приближаясь к любимой им мелодии Газманова о столичном колокольном звоне. Ему только сейчас удалось уйти от дневной суеты и остаться наедине с мыслями о главном событии сегодняшнего дня – встречи с Иван Ивановичем, при воспоминании о которой всё валилось из рук и шло наперекосяк.

– Что, других дел нет, кроме как Сталина обсуждать? Герой, преступник, эффективный менеджер. Услышал бы он последнее... – усмехнулся про себя Михал Михалыч и настроение его немного улучшилось, по крайней мере, вернулась способность трезво взглянуть на произошедшее сегодня и происходящее вокруг. – Раз этому придаётся такое значение даже на высшем уровне, значит это кому-то и зачем-то нужно, – продолжал размышлять он, откинувшись на спинку кресла.

Уже совсем стемнело, в окнах кабинета отражались огни многочисленной рекламы, а по историческому потолку то и дело пробегали отблески света фар проносившихся по Тверской многочисленных автомобилей. Все эти признаки цивилизации двадцать первого века отвлекали Михал Михалыча, не давали возможности «окунуться» в то время, в конце двадцатых. Он был уверен, что понимание текущего момента лежит именно там, ибо именно то время он всегда сравнивал, по некоторым параметрам, с сегодняшним днём. Он встал с кресла, вышел из-за стола и опустил амбирные шторы на многочисленных окнах кабинета, частично отгородив себя от реальной действительности, затем включил настольную лампу «под Ильича» и погасил верхний свет. Удовлетворённо оглядев полумрак помещения, опустился в глубокое кожаное кресло. Именно в таких условиях, по его мнению, должны были работать руководители молодой Советской республики того времени. Так работал и тот, о котором сейчас так много говорят и спорят, и именно из-за него создал сейчас весь этот антураж Михал Михалыч. Но вовсе не потому, что спал и видел себя на его месте, хотя, почему бы и нет. И не оттого, что безумно любил Отца народов и безоглядно разделял его идеи и практические дела, просто так было ему легче провести параллель между прошлым и будущим, а главное – сделать правильные выводы из настоящего. Ему самому хотелось до конца понять и убедиться в правильности своего восприятия такого явления, как Сталин. Именно явления, потому что, по глубочайшему убеждению Михал Михалыча, оно было естественным продолжением исторического развития России послеоктябрьского периода. И, несмотря на то, что он вовсе не отрицал роли личности в истории, совершенно однозначно был уверен, что вместо сталинизма мог быть какой-нибудь бронзизм, золотизм или любое другое металлическое название. Кстати, матрос Железняк, разогнавший учредительное собрание, мог вполне стать основоположником железнизма, но суть его от этого оставалась бы той же.

Михал Михалыч поёрзал в кресле, устраиваясь поудобней, и скрип кожаной обивки вытолкнул из памяти фрагмент какого-то идеологически выдержанного фильма времён хрущёвской оттепели. Там некий большевистский руководитель отдал свою, оставшуюся от буржуев кожаную мебель на сапоги босоногим подчинённым, а сам пересел на жёсткую табуретку, заслужив, тем самым, у них (подчинённых) невероятный авторитет, и уважение чуть более одетых и обутых зрителей.

– Интересно, на самом деле так было? – Подумал Михал Михалыч, – или очередная пропагандистская уловка? – Наверно, были такие, или абсолютно идейные, или... одно из двух. – Продолжал размышлять Михал Михалыч. Тогда, будучи одним из зрителей, он абсолютно не сомневался в правдивости и естественности показанного. Но сейчас поверить в это стоило больших усилий, многократно увеличивающихся, если попытаться представить себя или кого-то из своих вельможных подчинённых, сидящих на ободранном, когда-то кожаном, кресле с

торчащими сквозь вату пружинами. Нет, время сейчас не то. Да и тогда, скорей всего, шкуру сдирали с других, а мебель оставалась для нужд руководящих.

– При чём здесь все эти мебели, сапоги, шкуры? – Мысленно рассердился на самого себя Михал Михалыч. – Хотя, постойте, своя рубашка ближе к шкуре. Тьфу ты, к телу. Ну конечно, забыли об этом, когда Зимний брали. Такое впечатление, что тогда вообще ни о чём не думали, кроме как шкуру не убитого медведя поделить. Схватить кусок, постелить себе под зад на кресло и держаться за него всеми силами. И шкура, и рубашка ближе к телу! Но медведь-то неубитый был и шкуру свою отдавать за здорово живёшь не очень хотел. Пока добывали, шкуру всю искромсали, выдрали, и делить нечего стало. Но тот, кто весь этот делёж затеял, человек не глупый был и хваткий, не зря же специфический дефект речи имел, сразу всё и про шкуру, и про рубашки, которые только как свои рассматриваются, просёк. Охотник был заядлый, но в промахах своих признаваться не стеснялся и за преждевременные выстрелы с себя вины не снимал. Сел на пенёк на опушке, ружьишко к сосне прислонил, костерок развёл чаёк вскипятить, глянул в огонь – он его раньше очень сильно притягивал, особенно в мировом масштабе, и задумался. Вдруг в кустах неподалёку, буквально на шаг вперёд, что-то зашевелилось. Мелькнула надежда, что медведь, и рука инстинктивно потянулась к ружьишку. Ан нет, откуда ж ему взяться, всего лишь отошавший облезлый заяц, да и того рвут на части те, что в прилипших к телу рубашонках, да ещё и друг друга норовят цапнуть. Что с зайца проку, всего один, хоть и общественный, ничей, значит. Настолько тот, что у костра сидел от всего этого ужаснулся, что руками замахал, как от страшного видения и котелок с чаем ненароком на огонь опрокинул. Дымом костерок изошёл и, к счастью, чем всё там, впереди, закончилось, охотник не разглядел, хотя того, что успел увидеть, вполне хватило. Дым всё ещё глаза застилал, и решил он от неудобства этого два шага назад отойти и посмотреть, что будет. Глаза слезиться перестали, резкость появилась, пригляделся, не ахти что, но всё же лучше, чем впереди было. Что-то наподобие шкуры медвежьей стало вырисовываться и её всё больше не рвут, а гладят. Те, что в рубашках, уже и жилеточки накинули, а иные и пиджачки приобрели. Правда, остались ещё и раздетые, но это, возможно только в пределах двух шагов, а если дальше посмотреть, может и поуменьшится их количество. Но сейчас пока дальше назад нельзя и решил он на этих двух шагах остановиться, новую экономическую политику ввести. Хотя, какая она новая? Все, кто старыми русскими были, новыми советскими стали. Бывшие к своему бывшему вернулись. Но их тут же бандиты в оборот взяли. А рабоче-крестьянские органы их не очень охотно защищали. Может потому и неохотно, что рабоче-крестьянские? Совслужащие – тогда так чиновников называли – как тараканы плодиться стали и всем давай, давай. Те же, кто за светлое будущее в кровь бились, получили то, за что боролись. Хотели как лучше, а получилось как всегда. И тем и другим это совсем не нравилось. Первые хотели спать спокойно, вторые жить достойно, как им обещали. И пошёл ропот: «За что боролись, доколе эти безобразия продолжаться будут...». Но те, что на самом верху находились, вроде ничего и не слышали. Может потому, что опять шкуру делить начали, а может, просто последовательны заветам Ильича были и для них – чем хуже, тем лучше?

Это сейчас все спокойными и безразличными долго быть могут, а тогда ещё от революционного азарта не отошли, руки от оружейной смазки не до конца отмыли. Всё больше буденовки носили, под которыми разум возмущённый кипел, а пар только через пимпочку сверху головного убора выходил, а этого мало было. Вот в тех умах кипящих и сварилась мысль, что пора с бардаком кончать раз и навсегда! И, то ли с паром через пимпочку вырвалось, то ли кто-то по привычке проронил негромко так, но очень отчётливо: «Бей их, гадов! Души контру!» И пошло, со всей бессмысленностью и беспощадностью. И тут те, что наверху поняли, что промедление и их жизням угрожать может, а потому праведный гнев народный, и не только народный, решили в нужное русло направить, коль справиться с ним не возможно было. Ох, и радости же было, когда стали наконец душивать возрождающуюся гидру контрреволюции, беш-

ных псов мирового империализма, безродных космополитов и прочих врагов народа! В едином праведном порыве с песнями и обличительными плакатами двинулись колонны на борьбу, чтобы наконец до основания разрушить весь мир насилия, а затем... А затем вдруг оказались возле гостеприимно распахнутых ворот с надписью «ГУЛАГ», разрывающих бескрайний периметр из колючей проволоки. Что это? Может быть, новое название общества всеобщего благоденствия, где от каждого по способностям, каждому по потребностям? Пока думали-гадали, передовые ряды уже оказались за воротами, внутри. Те, что сзади и ещё не пересекли незримую черту, по стихающим песням, непонятым окрикам и лаю собак быстро сообразили, что зашли куда-то не туда, что там, в лучшем случае, общество всеобщего равенства. Однако министр не хотел быть равным рабочему, маршал солдату, партийный функционер рядовому члену партии и так далее, и поэтому они стали всячески упираться нестоптаными каблуками модных зарубежных ботинок и шитых генеральских сапог в неподатливую потрескавшуюся почву южноказахстанских солончаков и каменистый грунт заполярья. Но сзади всё шли и шли жаждущие крови врагов народа, мешающих строительству светлого будущего, и вталкивали в просторные ворота всех упирающихся и пытающихся повернуть назад. И тут же сами оказывались внутри, но они пришли сюда не за этим! Это чудовищная ошибка! Слабые голоса их, увы, заглушались обличительными речами многочисленных митингующих, бравурными маршами и печатным шагом парадных расчётов. Они уже не могли оказать пагубного влияния на predetermined ход исторического развития, а потому жизнь, несмотря не на что, шла своим чередом, становилась лучше и веселее. А для тех, кто на самом верху, – ещё и гораздо легче: впереди светлое будущее, ради которого можно всё, а самое главное – абсолютно ясно и понятно, как нему идти. Классовый состав оптимизирован – главные те, что в рваных рубашонках или совсем голые и примкнувшая к ним, так себе, прослойка, в очках и шляпах. Направляющая и руководящая сила одна, конечная цель определена, но она далека и эфемерна, что тоже очень хорошо, ибо весь путь можно разделить на этапы, всегда идеологически объяснимые и охватывающие не одно поколение. Такая возможность настолько понравилась там, наверху, что будущее время из грамматики великого и могучего нашего языка прочно переключалось в обыденное сознание. Даже не запретили поэта, далеко не пролетарского происхождения, Н.А. Некрасова, с его не совсем однозначным:

«Жаль только – жить в эту пору прекрасную Уж не придётся – ни мне, ни тебе».

Вдруг Михал Михалыч резко подался вперёд, оттолкнувшись от подлокотников кресла, молодежато выбросил себя из-за стола и быстро, семенящими шажками двинулся по периметру полутёмного кабинета, выкрикивая в такт движению:

– Ну конечно! Так и есть! Те, кто в девяносто первом на баррикадах светлое будущее отстаивали, получили то, за что боролись, то есть вместо лучшего – как всегда. Так в своих рубашечках и остались. А другие, старые советские новыми русскими стали, но и им не покойно. То отстрелят кого, то сверху наклонят при смене команды. Потому и тем, и другим чего-то лучшего, стабильного хочется. А для этого нового и стабильного уже и вертикаль с руководящей и направляющей выстроена. Даже кое-где ропот слышен. Ну чем не шанс?! И тут мои плакаты и убеждения прямо в масть! Прямо лакмусовая бумажка! – Всплыло как нельзя более уместное сравнение из его химического прошлого.

Продолжая измерять периметр, Михал Михалыч, уже зло посмеиваясь и покачивая головой, сухо сплюнул, давая выход первичным отрицательным эмоциям. Однако неприятный осадок всё ещё оставался и не позволял трезво оценить все плюсы и минусы его догадки. Поэтому, не стесняясь в выражениях, довольно громко, как на совещании с подчинёнными он выдал всё, что думал по этому поводу и об Иван Иваныче, и о его ближайшем окружении, не обойдя, на всякий случай, и политических Единоверцев.

– На вшивость проверяют!

Последовавший дальше не совсем нормативный монолог, по времени не уступающий выступлению в прениях на каком-нибудь высоком партийном форуме, принёс свои плоды и вернул Михал Михалычу способность объективно оценить прошедшую на высочайшем уровне встречу в контексте сделанного им заключения. А то, что это заключение правильно, не возникло ни малейшего сомнения. Окончательно успокоившись, градоначальник вернулся к столу и облегчённо, впервые, как ему казалось, за день, опустил в кресло. На этот раз он не обратил внимания на звук скрипнувшей под ним кожаной обивки, и не стал углубляться в аскетическое прошлое первых советских руководителей, а, будучи человеком практичным, сосредоточился на извлечении выгоды из недавней встречи. Именно выгоды, ибо сам того не желая Михал Михалыч оказал, по его мнению, немалую услугу Иван Иванычу и иже с ним, развесив по столице изображения того, кто до сих пор не даёт покоя ни своим противникам, ни своим сторонникам. Того, кто для одних является «эталон» авторитарной деспотичной власти в нашей современной истории, а для других – эталоном порядка и процветания, организатором и вдохновителем всех наших побед.

– Ай да Мишка, ай да сукин сын! – Произнёс Михал Михалыч восторженным шёпотом. – Мало того, что помог молодёжи определить направление дальнейшего развития нашей суверенной демократии, понять, так сказать, будущий контур её политического тела, так ещё из-за своих, как оказалось, правильных убеждений, укрепился в вертикали. От такого неожиданного поворота событий он даже отбил ладонями на столе что-то вроде чечётки, в завершении которой, после похлопывания себя по груди согнул правую руку в локте и, ударив по внутреннему её сгибу левой рукой, с неописуемым удовлетворением послал «привет» лепному потолку кабинета.

– Если у них совесть, всё-таки, осталась, этой услуги они забыть не должны, – с надеждой подумал он и размяк в скрипящей коже антикварного кресла с намерением вздремнуть часок-другой.

VI

Иван Иваныч, как только за ним закрылась дверь комнаты отдыха, намеревался хотя бы на пол часика окунуться в объятия Морфея, однако всё прочитанное в любимом им интернете, а главное, «разговор» с этим загадочным блоггером не давали покоя. Единственная положительная эмоция от результатов беседы с Михал Михалычем растворялась в этом виртуальном месиве как ложка мёда в бочке дёгтя. Да и насколько она положительная – думал Иван Иваныч, – надо ещё разобраться.

– Понятно, что этот старый пройдоха прекрасно понимает суть нашей, так сказать, суверенной демократии и поддерживает её лишь потому, что она суверенная, то есть такая, какой Мы её объявим. Он прекрасно осознаёт, что укрепление вертикали автоматически укрепляет и его власть и готов эту вертикаль всячески поддерживать и оправдывать, и его слушают, и ему верят. С одной стороны это хорошо. Но с другой... при его некоторой непредсказуемости и, в последнее время, попытках быть излишне самостоятельным – преимущество весьма сомнительное. Куда его занесёт при головокружении от успехов в хозяйственной деятельности? А некоторые такого рода головокружения уже наблюдаются. Втемяшил в голову, что народ за него горой встанет, если что. Чуть не удельным князем себя уже чувствует. Победу руководящей и направляющей нашей силе на выборах обеспечил и решил, что теперь всё можно. Не понимает, что ли, кто в доме хозяин? Хотя может это и не совсем для всех ясно. Тьфу ты, чёрт, уже и я сам согласен с этой бредятиной?! Нет, хватит, надо что-то делать! Все что-то делают. Один под маркой заботы о жителях столицы весь город перерыл, а что не успел – друзьям и родственникам в концессию передал. Так и этого мало. Уже в Севастополе распоряжается. Но все считают, что делает для народа много, не щадя живота своего. Другой, как из своего кошелька, бюджетные «бабки» направо и налево раздаёт. Не государство, а Он выделил то пострадавшим, то тем, кто только ими ещё собирается быть, а то и просто так, на всякий случай. Неважно, у кого **отняли**, но дал Он.

Неужели мало того, что я объявил и наметил? Сколько всего должно быть сделано! Где благодарность?! Сами ничего не хотят делать, топят все полезные начинания в болоте бюрократии, заигрывают мои идеи и выдают их за свои. Оборзели до такой степени, что моё слово для них не закон, не гранит, не бронза, не золото, не указ! Разгоню всех к чёртовой матери! – Выкрикнул он так громко и уверенно, что со стороны действительно можно было подумать, что все вышеозначенные угрозы неизбежно и немедленно будут воплощены в жизнь. Ещё действительно полагая, что всё это может материализоваться, Иван Иваныч живо представил как он собственноручно, без какого бы то ни было компьютера, почти обычным перьевым MONT BLANСом чернилами чёрно-голубого цвета, на бланках Указов решительно вершит судьбы надоевших своим бездействием или противодействием, чиновников.

Обида от неадекватной оценки его деятельности и невозможности, по тем или иным причинам, реализовать свои прожекты, а также внезапно пришедшее к нему осознание того, что простым росчерком пера он может в одночасье решить все проблемы, настолько овладели Иван Иванычем, что он был готов тут же вернуться на рабочее место и покончить со всем этим бардаком раз и навсегда. И вот он уже опёрся левой рукой о подлокотник стилизованного под Людовика XIV итальянского дивана, чтобы встать. Окинул взглядом помещение, как если бы прощался с ним навсегда и вдруг с ужасом, всеми клеточками своего организма ощутил вокруг абсолютную пустоту, поглощающую и стены, и мебель, и даже приглушённый электрический свет от энергосберегающих лампочек. Ощущение безысходности и фатальности обстановке придавала космическая тишина, которая раньше расценивалась как великое достижение в деле оборудования специальных помещений в главном здании страны. Может быть, её основная ценность состоит как раз в том, что заставляет иногда взглянуть на окружающую действитель-

ность не сверху, а со стороны, позволяя увидеть в ней самого себя? И он увидел. Один одинёшенек среди бескрайнего поля и ветряных мельниц с вращающимися в разные стороны лопастями, несмотря на ветер постоянного направления.

Иван Иваныч так и не понял, удалось ему вздремнуть или нет, но в кабинет он вернулся уже без прежней решимости и в дурном расположении духа. Он сел за стол, но без какого-либо конкретного намерения что-то сделать. Сначала было желание «сбежать» от всего этого в интернет, но вспомнился блоггер, с которым, возможно, придётся опять спорить или выслушивать от него всякие колкости, а настроения нет. Продолжая сидеть в раздумьях о том, какую бы пользу нанести стране и народу, Иван Иваныч машинально что-то выстукивал пальцами по столу и вдруг обратил внимание на лежащую там папочку. Как бы нехотя открыл обложку с триколором и гербом, взглянул на бумаги и вспомнил, что их принёс Вадим. Далее из памяти всплыло содержание документа и то, что Вадим хотел что-то сказать, рассказать или предложить. Но что? Эта неизвестность моментально взбодрила хозяина кабинета, породив надежду на то, что этот ушлый Вадик наверняка придумал что-нибудь, что поможет чувствовать себя достойно и наравне с Ним. Как можно скорей, чтобы не пропала острота ощущений, Иван Иваныч нажал кнопку на пульте внутренней связи. На том конце провода или радиоканала, всё равно, послышался полный постоянной готовности голос Вадима, отчего у Иван Иваныча перед глазами возник образ то ли официанта, то ли полового с перекинутой через руку салфеткой в позе «чего изволите». Через минуту Вадим уже стоял в высочайшем кабинете с папкой под мышкой и с полным благих намерений выражением лица и тела. В предчувствии чего-то нового и приятного, Иван Иваныч весьма благосклонно жестом предложил ему присесть на диван и сам, выпорхнув в нетерпении из-за стола, приземлился рядом.

– Ну-с, что там у нас, что ты хотел мне сообщить «позже»? – Улыбаясь и потирая руки, спросил он своего помощника, давая ему тем самым понять, что дело не терпит отлагательств.

Для, образно выражаясь, родившегося в коридорах власти Вадима всё было понятно и без дополнительных жестов. Поэтому он немедленно открыл свою папку и тот час приступил к пояснению находившегося там документа. Услышав первые слова, Иван Иваныч встал с дивана, прошёлся по кабинету и занял рабочее место. Пока шеф совершал свои телодвижения, Вадим, молча, наблюдал за ним, так же встав с дивана, и, как только Иван Иваныч окончательно устроился за столом, не дожидаясь приглашения, примостился за приставным столиком. Папка переключалась к руководителю, который минут пять-семь внимательно изучал её содержимое, перечитывая некоторые абзацы дважды. Закончив работу над документом, Иван Иваныч, сложив руки перед собой, как первоклассник за партой, и подав корпус вперёд, так внимательно посмотрел на Вадима, как будто хотел залезть глазами внутрь его. От этого подчинённому стало не по себе. От таких пристальных и длительных взглядов обычно даже кристально честные люди начинают сомневаться в своей непогрешимости и чувствовать себя в чём-то виноватыми. Иван Иваныч понимал, что сколь долго и внимательно не смотрел бы он на своего подчинённого, ничего кроме его внешней оболочки в виде лица и торса, облачённого в дорогой костюм импортного индпошива, он не увидит. Однако эта психологическая пауза нужна была ему, чтобы окончательно определиться до какой степени стоит доверять своему помощнику в столь деликатном деле. Обсуждать ли с ним детали уже созревшего плана или... Иван Иваныч оторвал от Вадима, как ему казалось, свой гипнотический взгляд и, не давая ему опомниться, как на допросе резко спросил:

– Какой же это мой проект? Это больше Его, Василь Васильича, тема. Здесь же сплошная экономика.

Вадим не был бы Вадимом, пережившим не одного хозяина, если бы пришел к очередному с неподготовленным экспромтом.

– Вы абсолютно правы. Однако Вы будете встречаться со своим вновь избранным коллегой и почему бы Вам не обсудить, нет, лучше – решить с ним все назревшие проблемы. И тут

он не сдержался от грубой и неприкрытой лести в адрес босса. – Вы у нас Гарант, а Гарант по нашему Основному Закону...

– Ладно, ладно, – слегка улыбаясь, но уже уверенным и спокойным голосом человека, принявшего окончательное решение, прервал его Иван Иванович. – Я подумаю, как с этим лучше поступить, – кивнул он на документ, – оставь это у меня. Вадим расценил последнюю фразу как окончание аудиенции и бесшумно покинул кабинет.

Как только дверь за подчинённым закрылась, Иван Иванович раскрыл папку и вновь углубился в изучение документа, попутно делая необходимые для дальнейшей работы, пометки на листочках специальной гербовой бумаги, точно такой же, как та, на которой он немногим раньше пытался расписать своё будущее. Чем больше он вчитывался в оставленные Вадимом бумаги, тем больше захватывала идея последовать его советам. Но для большей объективности, требовалась дополнительная экспертиза, поэтому, не отрываясь от чтения и не поднимая головы, Иван Иванович на ощупь нажал кнопку вызова Эдуарда Эдуардыча. Не вводя его в детали и тонкости своего плана, он коротко обсудил с ним политические аспекты предстоящего визита, выслушал его видение данного вопроса, сделал кое-какие пометки и вызвал очередного помощника, ответственного за экономические вопросы, – Альберта Альбертыча. Его он слушал внешне внимательно, но думал совершенно о другом. Во-первых: он уже принял решение и чётко представлял, как оно будет воплощено на практике, независимо от того, какие аргументы «против» приведёт помощник. Во-вторых: Альберт настолько «сильно любил» подчинённых Василь Васильича, что готов был скорей согласиться, что земля плоская и стоит на трёх китах, нежели с тем, что сотрудники Василь Васильича в чём-то правы. Поэтому ожидать достаточной объективности от этого помощника не стоило. Однако Иван Иванович всё же обсудил с ним кое-какие принципиальные цифры и убедился ещё раз, что «одна голова хорошо, а две – лучше».

Оставшись один, он вновь принялся перечитывать документ с тем, чтобы выработать окончательный вариант своего плана и линии поведения на предстоящей встрече в верхах. Одним из основных условий, которое Иван Иванович определил для себя являлась максимальная конфиденциальность, направленная, главным образом, на недопустимость попадания информации к Василь Васильичу. Конечной целью должно было стать достижение политических договорённостей, которые бы показали всему миру, что именно он, глава государства, достиг позитивного прорыва в отношениях двух стран, именно он способен решать не только политические, но и экономические вопросы. Какой ценой, – это в данном случае не имело значения.

VII

Время имеет свойство идти, бежать, течь или даже лететь, а виртуальное время, в силу своей виртуальности, вообще скачет. Но эти скачки трудно хронометрировать, потому что они могут переносить нас в мгновение в любую историческую эпоху, погружать в любые события, не обращая внимания на последовательность происходящего и его последствия. Такое впечатление, что делается это просто, чтобы насладиться возможностями виртуального мира, спокойно опровергающего все постулаты мира реального.

Именно поэтому Михал Михалыч проснулся в своём кабинете уже тогда, когда отгремели по Красной площади гусеницы танков, торжественные марши со скоростью сто двадцать шагов в минуту, растаяли в небесной синеве мелодии сводных оркестров и многотысячных криков «Ура»! парадных расчётов. Уже рассосались пробки после отъезда вельможных гостей, а трудящиеся вернулись со своих загородных дач, фазенд и просто участков после успешного завершения весенних полевых работ. И пчёлы во всю приступили к сбору различных нектаров, и превращению их в различные виды, полезных и не очень, мёдов. Но самое главное, что Михал Михалыч всё ещё находился в своём кабинете, следовательно – на своём месте. А это означало правильность его, ещё до праздничных, умозаключений.

Звонок скрытой кнопки вызова под крышкой стола и он уже вновь в бронированном «Мерседесе», так же невидим для окружающих, но уже в летнем костюме, «плывёт» по улицам родного города, рассекая многочисленные пробки навстречу неотложным делам государственного значения. Шутка ли, ведь он своими собственными руками воплощает в жизнь намерения руководства страны превратить столицу нашу в столицу международную, в смысле мировую, финансовую. Ещё одна подпорка под его и без того, казалось бы, незыблемое положение. Всё вроде было хорошо: светило солнце, радовали глаз пейзажи с небоскрёбами и башенными кранами, особенно приятно было смотреть как по-новому, по-передовому осваивает новые площади его любимая «Коните». Ведь могут всё-таки работать люди, если захотят. Разве возможно было представить, чтобы в период тоталитарной власти коммунистов и эпоху застоя простой слесарь-лекальщик или токарь-инструментальщик, не важно, с нуля, пользуясь только плодами собственного недюжинного таланта, сумел возглавить, и превратить в строительный гигант невзрачный кооператив по производству пластмассовых тазиков и детских горшков? Только острый рабочий глаз мог узреть и извлечь пользу из бесчинств футбольных фанатов на столичных стадионах, оборудованных пластмассовыми стульями. А потом, когда появились деньги, вспомнилась толстая книга какого-то немца или еврея, которую читали когда-то на рабфаке. Правда, многочисленные страницы запоминались не очень хорошо, потому, что даже сам автор, наверное, не очень-то смог бы объяснить, зачем так много и непонятно писал, а вот формула, вытекающая из всего этого, была не трудная и очень понятная, – $D - T - D + d$, то есть деньги, на которые покупают товар, потом этот товар продаётся за уже гораздо большие деньги. Тот самый немец или еврей тогда почему-то страшно проклинал всех, кто жил по этой формуле, а сейчас наоборот – это всё уважаемые люди, а очень уважаемые называются бизнес элитой.

Смекалистому народному уму долго думать не надо было, чтобы понять, где эта вторая после знака плюс буквочка «д» превращается в букву «Д», равную той, что до плюса, а порой и сильно её превышает. Вот так образовался девелоперский и строительный монстр «Коните». Будь во главе его какой-нибудь инженеришка из прослойки с кандидатской степенью или, не дай Бог, доктор или профессор, никогда бы компания не только не пережила благополучно мировой кризис, она бы до этого кризиса вряд ли дотянула. Нет, не знаем мы ещё наш народ. Всё на Запад поглядываем. А ведь как богата земляца-матушка самородками!

– Да-а-а, хорошо! – хотелось крикнуть Михал Михалычу на всю Сетуньскую пойму, разведя, до хруста в суставах, руками, но что-то мешало. Что-то не давало покоя.

Но что? – Мучительно думал он и не находил ответа. – Наверное, просто устал, уже и не помню, когда в отпуске был. А тут лето на носу, пора бы и отдохнуть, да и хозяйства проверить не мешало бы, – подытожил градоначальник и направился к служебному «броневнику». Он долго устраивал своё тело на мягком кожаном сиденье, но что-то мешало. Михал Михалыч приподнял задницу и извлёк из-под неё какой-то журнал. Водитель, заметив телодвижения шефа, вспомнил, что бросил на его место неизвестно откуда взявшийся «Форбс» и извинился перед шефом за неудобства. Тот что-то проворчал, отбросил журнал в сторону и велел ехать.

«Лучший город Земли» уже заканчивал покрываться всевозможной зеленью и всё те же азиаты уже вместо снега собирали на газонах свежескошенную траву, издающую неизменно загородный запах, вызывающий расслабляюще-приятные ассоциации и воспоминания. Михал Михалыч чувствовал несвойственный городу аромат даже через бронированные стёкла и постепенно окунался в атмосферу альпийских лугов и подмосковных полей и рощ, усыпанных полезнейшими соцветиями типичных представителей флоры тех мест. Из всех звуков, существовавших в этот момент на Земле, он слышал только мирное жужжание пчёл и стрекот кузнечиков. Благодати не было конца и края и Михал Михалыч начал уже проваливаться в дрему, но в салоне авто резко прозвучал зуммер аппарата спецсвязи, который вытряхнул размякшего пассажира из обволакивающих объятий сна.

Звонок по этой линии не мог предвещать ничего хорошего. Сегодня же, с учётом не покидающего Михал Михалыча чувства беспокойства, это нехорошее вполне должно было превратиться в плохое. Предчувствие его не обмануло и особенно усилилось, когда в трубке послышался вежливый голос Иван Иваныча, поинтересовавшегося сначала здоровьем собеседника, затем делами в его хозяйстве. Неприятную ноющую боль в груди вызвал последний вопрос относительно того, читал ли он последний номер «Форбс», естественно русской версии. Михал Михалыч покосился на отброшенный им раньше, на край сидения, какой-то журнал и увидел на его обложке фото владельца и генерального директора любимой им компании «Коните». И сразу же понял всё: и причину не покидающего его с утра беспокойства, и косые взгляды некоторых чиновников и, самое главное, – причину этого звонка. Ему даже не нужно было уточнять, является ли это печатное издание журналом «Форбс» и последний ли это его номер. На том конце радиоканала настоятельно советовали почитать и через часик встретиться, чтобы обсудить всё в спокойной обстановке.

Положив трубку, градоначальник повернулся к журналу, и на какое-то время запечатлел на нём такой взгляд, от которого, казалось, задержись он на обложке подольше, белозубое улыбающееся изображение в мгновение вспыхнуло и превратилось бы в кучку чёрного пепла. Но Михал Михалыча хватило только на то, чтобы бессильно взвыть и замахнуться на портрет, не смея причинить ему какой бы то ни было вред. Однако он награждал изображение такими эпитетами, которые неудобно воспроизводить не только в нормальном обществе, но даже в камере СИЗО среди отпетых уголовников. Пояснения к фото и досужие домыслы авторов статьи, облегчения не принесли, зато усугубили положение.

Ровно в намеченное время Михал Михалыч сидел на том же месте, которое, казалось, покинул совсем недавно, а перед ним лежал экземпляр ненавистного журнала. Выдержки из него Иван Иваныч использовал в качестве вопросов, на которые Михал Михалыч не успевал отвечать (может это и хорошо), ибо хозяин кабинета с юношеским задором делал это за него. Всё крутилось вокруг миллиардных состояний нажитых тандемом (М.М и «Коните») непонятно как. Казалось, что Иван Иваныча больше всего раздражали вопросы, по этому поводу, его зарубежных коллег, которые и в страшном сне не могли себе представить, что такие вещи могли бы происходить во вверенных им государствах и, главное, быть ненаказуемы.

– Это что такое? Как это понимать? – Повышенным тоном вопрошал хозяин кабинета, тряся журналом перед носом собеседника. – Как вы это объясните? Не надо не пытайтесь! Для меня и так всё ясно и понятно, – не давая открыть рот оппоненту, не унимался Иван Иванович. – Мало того, что Партию скомпрометировали, прилюдно все наши идеи дискредитировали, так ещё и на весь мир прославили! Вы понимаете, что после этого о нас нормальные люди будут говорить, а уж что подумают, так и представить страшно!

Михал Михалыч сделал робкую попытку что-то сказать в своё оправдание, но был прерван взмахом руки начальника, который уже не мог или не хотел остановиться. Вероятно, Иван Ивановичем овладело желание отомстить непонятно кому за всё то, что у него, по той или иной причине не получилось, за нахождение в тени Василь Васильича. А тут такая возможность показать, кто в доме хозяин и его понесло.

– Я вас предупреждал? Предупреждал! Не надо выделяться и плыть против течения! Оно, всё равно, сильнее вас! Убеждения у него! Теперь мне понятны ваши убеждения! Где вы их реализуете? В Альпах или на Канарах? Борец за демократию, твою мать! – В несвойственной ему манере, перенятой у старшего товарища, поставил восклицательный знак Иван Иванович, встал с места и зашагал по кабинету.

Михал Михалыч, как и все Там, наверху, слыл демократом и был им, но лишь настолько и до того момента, пока эта европейская штучка – демократия – не начинала посягать на понимание им своей роли в историческом развитии в рамках отдельно взятой страны. И если быть до конца честным, то все эти демократические заморочки в виде плюрализмов различной направленности и неконтролируемого волеизъявления того самого «демоса», то есть народа, он считал абсолютно вредными и нарушающими стабильность его начальственного положения. Но, когда угроза такой стабильности могла возникнуть откуда-то с другой стороны, он ни минуты не сомневаясь, готов прибегнуть к демократии как к палочке-выручалочке. И сейчас, глядя на разъярённого хозяина кабинета, слушая его обличительный монолог, но, не слыша его, Михал Михалыч с тоской вспоминал те времена, когда он был и царь, и бог, и воинский начальник, и отчёт держал только перед теми, кто его выбрал на столь высокий пост.

Опустив глаза, якобы в раскаянии, он внимательно рассматривал ногти на своих покусанных пчёлами руках и думал, что чёрта с два с ним бы тогда так разговаривал этот молодой человек. Это сейчас он хочет – казнит, а хочет – милует, а тогда...

И вдруг, то ли Михал Михалыч совсем заблудился в своих мыслях и воспоминаниях и перепутал время, то ли его укусила какая-то пчела, а может просто всё это надоело, он повёл себя так, словно пролетарий, которому нечего терять, кроме своих цепей. Но ему-то было, что терять и ещё как было, но он об этом как будто забыл, потому что неожиданно, похоже, даже для себя, с силой хлопнул ладонью правой руки по приставному столику и, медленно вставая из-за него, произнёс как-то устало и безразлично: «Всё, хватит». Затем более громко и настойчиво. – Хватит!

Иван Иванович, увлечённый процессом осуждения своего подчинённого, не сразу заметил изменения в обстановке и по инерции продолжил бичевать его недостатки. Но когда осознал происходящее, остановился, повернулся лицом к Михал Михалычу, уничижительно посмотрел на него и с неким вызовом в голосе, типа «это кто там посмел?» протяжно произнёс: «Что-о?»

– А то, – автоматически выдал Михал Михалыч и, подумав, что бог не выдаст, свинья не съест, тем более с таким багажом, как у него, отпустил тормоза, – а то, что хватит меня мордой по столу водить и с дерьмом смешивать. Я что один такой? Посмотрите вокруг, на своё ближайшее и не очень, окружение. С какого перепуга они все в золоте и дизайнерских костюмах не по одной десятке штук баксов? И квартиры в центре города им бабушки с дедушками по наследству оставили, а некоторым ещё и на Рублёвке особняки завещали! Думаете, этого никто не видит?

Иван Иванович ожидал всего, чего угодно, но только не такого и поэтому стоял с широко раскрытыми глазами, беззвучно хватая ртом воздух. Казалось, одень на него кепку и приклей усы, и тут же из его уст вырвется знаменитое сааховское: «Аполитично рассуждаешь, слушай, аполитично рассуждаешь». Но Иван Иванович молчал, а Михал Михалыч, ободрённый всплывшими из памяти заверениями своих подчинённых о том, что народ и они лично костями лягут за горячо любимого градоначальника, но в обиду его не дадут, решил не останавливаться на полпути.

– Все всё видят. И то, что страной и экономикой руководят не профессионалы, а назначенцы из земляков, однокашников, одноклассников и прочих родственников и знакомых. Вы думаете, что у них полные штаны благодарности за то, что Вы их вытащили из грязи и назначили в князи, и они поддержат вас в трудную минуту? Они первые предадут Вас, потому что они в верхах той самой организации, беспринципностью которой Вы так восхищались. Вы хотели создать команду единомышленников, а получилась стая. Вам хочется что-то изменить, я надеюсь, искренне хочется, но почему Вы этого не делаете? Потому что Вам не дают. Не даёт та самая команда-стая. Им это не нужно, им и так хорошо. Им всё равно кому служить, главное, что бы у кормушки. Это не мои, – это Ваши слова.

Ах, у нас демократия, ах, у нас плюрализм, ах у нас любимая всеми Партия! Если Вы во всё это верите, то снимите розовые очки. Если бы я не стал Вашим партийным единоверцем, а стал им, потому что надо было удержаться на стуле, хрен бы эта руководящая и направляющая получила бы хоть какие-то голоса в городе! Почему? Думаю, что объяснять излишне.

Иван Иванович, обретя дар речи после всего услышанного, попытался перехватить инициативу, намереваясь ещё раз укорить собеседника в том, что тот «прославился» на весь цивилизованный мир, и даже взял со стола злополучный журнал. Однако, на этот раз Михал Михалыч, вероятно, не контролируя себя, решительным жестом пресёк его намерения. И, как будто зная, о чём собирается говорить хозяин кабинета, продолжил. – Весь сыр-бор из-за этой гнусной статейки? То есть, если бы здесь, – Михал Михалыч ткнул пальцем в журнал, – был кто-то другой, то он бы стоял на моём месте? Прекрасно! То есть вор не тот, кто ворует, а тот, кто попадается? После этих слов он напрочь забыл о том, кто он есть на самом деле, а почувствовал себя пламенным борцом за демократию и социальную справедливость, чуть ли не Ильичём, рвущим на себе в благородном революционном порыве, жилетку и комкающим кепку перед рабочими завода Михельсона.

Иван Иванович же совсем пришёл в себя и уже собрался закрыть этот театр одного актёра. Однако, взглянув на подчинённого и заметив в его глазах искры одержимости, решил, что тот может сказать ещё много интересного. Пусть говорит. Всё равно судьба его уже решена. С этими мыслями он занял своё рабочее место и принялся внимательно слушать распалившегося Михал Михалыча, уже не обращавшего внимания на предмет своего негодования, а говорящего куда-то в пространство кабинета. Вероятно, он всё-таки видел перед собой колышущиеся массы, ждущие, когда оратор «забьёт очередной гвоздь» в гроб российской бюрократии, казнокрадства и несправедливости. И он громил вертикаль власти, не дающую народу право выбирать себе руководителей на местах. Издевательски прошёлся по Иван Ивановичу, припомнив ему и нацпроекты, затеянные им, ещё будучи первым вице-премьером, уличив в неспособности решать стоящие перед ним задачи и добиваться конечного результата, и его страсть к дорогим электронным игрушкам на примере стерео системы за 200000 долларов или евро, и поклонение его американцам. В конце концов, он назвал Иван Ивановича прожектёром, кремлёвским мечтателем и достойным последователем первого Президента СССР, после чего вдруг замолчал и опустил на стул. Потом резко встал и, не глядя на сидящего за рабочим столом шефа, робко поинтересовался, может ли быть свободен. Тот, вопреки ожиданиям Михал Михалыча, не стал его задерживать, но настоятельно посоветовал подумать, с какой формулировкой ему лучше распрощаться с обустроенным и насиженным в течение более чем пят-

надцати лет, местом. В противном случае, придётся просто отрешить его от должности под каким-нибудь неблагоприятным предлогом.

Михал Михалыч понимал, что самой мягкой реакцией на всё произошедшее в этом кабинете было бы его увольнение. Но он не думал, что это может произойти так быстро и так обыденно. Совершенно не похоже на то, как он сам себе это представлял: бесконечные благодарности и государственные награды, слёзы сожаления на глазах у подчинённых и друзей, почётное гражданство, портрет кисти Шилова в золотой раме в исторической галерее, какой-нибудь памятник, а может улица или площадь в его честь. Такое вопиющее несоответствие планов по завершению карьеры с реальной действительностью вновь подняло из глубины души, осевшее было негодование в адрес Иван Иваныча и, уже покидая кабинет, Михал Михалыч твёрдо решил просто так не сдаваться. Его «Мерседес» неожиданно резко рванул с места и направился в сторону Краснопресненской набережной.

Как только дверь за Михал Михалычем закрылась, от безразличного спокойствия Иван Иваныча не осталось и следа. В возбуждении, вызванном осознанием своей значимости и тем, как спокойно и достойно он себя вёл с таким политическим тяжеловесом и, в конце концов, практически уволил его спокойно, без каких-либо моральных усилий и нравственных терзаний, Иван Иваныч мерил шагами сначала периметр, а затем диагонали кабинета. Всё-таки всё можно, если очень захотеть! Однако в следующее мгновение он вспомнил, что из-за такого самостоятельного решения, скорей всего, предстоит не совсем приятный разговор с Василь Васильичем, от чего внезапно возникшее радостное возбуждение сменилось совершенно противоположным настроением. Но Иван Иваныч был настолько решителен в эту минуту, что решил не уступать ни пяди своего суверенитета и не допускать никакого обжалования принятого им решения. В подтверждение своей такой решимости он, встретив на пути рабочий стол, в сердцах стукнул кулаком по его крышке, от чего в малахитовом стакане звякнули карандаши, а нож для разрезания бумаги чуть не упал на пол. Иван Иваныч восстановил порядок на рабочем месте и опустился в кресло. Что-то, кроме предстоящего разговора с Василь Васильичем, не давало покоя. В поисках причины своего беспокойства Иван Иваныч бесцельно передвигал с места на место какие-то малозначительные бумаги, изредка пробегая глазами некоторые из них по диагонали, пока его взгляд не остановился на свежем номере того самого журнала «Форбс».

Несмотря на то, что на обложке был изображён другой человек, перед глазами Иван Иваныча явно предстал Михал Михалыч. А недавний с ним разговор тут же всплыл со всеми подробностями, и сразу же состояние непонятого тревожного дискомфорта начало отступать, совершенно исчезнув, как только Иван Иваныч признался себе, что его собеседник, хоть на нём и клейма ставить негде, в сущности, во многом был прав. Самая главная правда была в том, что он, Иван Иваныч, действительно хочет многое изменить, но все его попытки натываются на стену равнодушия и даже противодействия со стороны, так называемой, команды. Но ведь это не его команда, а Его, Василь Васильича. Кормит он её хорошо, но и держит в «ежовых рукавицах». Несмотря ни на что, никого не отдаёт. Однако и Иван Иваныч не всегда бывает достаточно настойчив и последователен в своих деяниях, но почему? Почему по сто раз приходится напоминать о своих поручениях солидным дядькам в дорогих костюмах и с министерскими портфелями? Ведь можно их в момент лишить всех этих атрибутов за нарушение исполнительской дисциплины или профнепригодность. Следующие, однозначно, будут вести себя по-другому. Можно, но почему же это не делается? Придётся вступать в конфликт с Василь Васильичем, нарушать договорённости. Но ведь и он не всегда их соблюдает. Нет, явно надо что-то делать, но как и с чего начать? Или с кого? Стоп, стоп, стоп. Михал Михалыч! Он уже один раз помог со своими плакатами, сам того не желая. При этой мысли Иван Иванычу стало даже немного жалко этого пожилого человека, пропитанного множеством самых противоречивых убеждений, этого многоликого Януса. Но при воспоминании о статье в «Форбс» все

маски с языческого божества моментально слетели и осталось лишь упитанное самодовольное лицо чиновника, в течение полутора десятилетий злоупотреблявшего своим положением и с одним единственным убеждением – это МОЙ город! Нет, никаких поблажек! За всё в жизни надо платить. Ах, как хорошо он подходит под все начинания: и борьба с коррупцией, и борьба с бюрократией и чиновничьим беспределом, и борьба с правовым нигилизмом, и, и, и... да одна эта жертва на алтарь борьбы с коррупцией чего стоит! И ни какого-то там мэра Мухосранска, а личность в ранге вице-преьера. Но самое-то главное – это ещё одна маленькая победа в борьбе за политическую самостоятельность.

VIII

Иван Иванычу было так комфортно и приятно в мире грёз и несбывшихся пока надежд, что выбираться оттуда наружу совершенно не хотелось, хотя пробыл он там довольно долго. Однако положение обязывало.

Очнувшись, он обнаружил себя сидящим в том же рабочем кабинете, за тем же столом и в том же кресле, только дата на календаре почему-то сильно «убежала» вперёд. Что ж, времени свойственно идти вперёд. Иногда даже, чем быстрее – тем лучше. Хотя всё это довольно субъективно и относительно. Сейчас кажется, что подгоняешь время только во благо, но в следующий момент можешь очень сильно об этом пожалеть. Рано или поздно линия горизонта, за которой можно увидеть «завтра», будет достигнута и только тогда можно будет понять, стоило подгонять время или лучше бы оно тянулось бесконечно долго и «завтра» бы никогда не наступало. Вот и Иван Иваныч пока ещё не определился со своим «завтра», потому, что ещё не до конца решил, что бы хотел там увидеть.

Какие-то голоса и звуки, похожие на скрежет передвигаемой мебели, доносившиеся из приёмной и нервное подёргивание входной двери, окончательно вернули его из сладостного небытия в не совсем сладостную реальность, которая стала ещё менее приятной, когда Иван Иваныч увидел ворвавшегося в кабинет Василь Васильича, попутно лягнувшего ногой кого-то в приёмной. Дверь с шумом захлопнулась и наступила тишина, нарушенная через мгновение его быстрыми и решительными шагами по направлению к приставному столику, расположенному перпендикулярно столу хозяина кабинета. Иван Иваныч не спеша поднялся из кресла, то ли для приветствия вошедшего, то ли из уважения к нему. Василь Васильич же, напротив, с шумом отодвинул стул и без всякого приглашения, с ходу, бухнулся на него.

– Ну, здравствуйте, господин Гарант, – произнёс он сквозь зубы с максимально возможной долей зловещего ехидства. Иван Иваныч ещё только собирался ответить на «приветствие», когда гость снова заговорил в той же издевательской манере. – Вершим великие международные дела? И как получается? – И тут же сам себе ответил, повысив голос. – Хреново получается!

Иван Иваныч в течение этого монолога продолжал стоять, опёршись кистями рук, сжатыми в кулаки, на крышку стола, затем выпрямился, развернул плечи и, внимательно посмотрев на собеседника, довольно решительно поинтересовался: – что Вы конкретно имеете ввиду? Василь Васильич слегка опешил. Но после секундной паузы он встал из-за стола, удивлённо подняв брови и округлив глаза, приблизился к Иван Иванычу и издевательски с еле заметной улыбкой стал в упор его разглядывать. Обследовав собеседника спереди, он заглянул ему за спину, как будто хотел проверить не выросли ли у того крылья или ещё что-нибудь, способное подвинуть на столь дерзкое поведение. Ничего не обнаружив, он резко повернулся через левое плечо и направился к недавно покинутому стулу, развернул его так, чтобы быть обращённым к Иван Иванычу «ан фас», сел, и закинув ногу на ногу, с каким-то блатным налётом процедил:

– А я конкретно хотел бы знать, что ты там наподписывал по флоту и кто тебя на такое надоумил? Вадик или твой главный по нападкам на меня и моих ребят, Альбертик – этот рупор перестройки и гласности? Если мы и дальше такими темпами и в таком разрезе будем решать наши внешние проблемы, у нас никакого газа не хватит!

– Хватит, если им карманы не набивать, а разумно расходовать! – Опять же в несвойственной ему манере резко парировал Иван Иваныч и сам удивился своей неожиданной дерзости. – Вроде можно было и поспокойней говорить, – подумал он. Однако какая-то неизвестная сила сейчас управляла его эмоциями и речевым аппаратом. В лёгком недоумении он опустился в кресло.

Василь Васильич вновь удивлённо вскинул брови и посмотрел на собеседника, как на инопланетянина, совершенно непонятно откуда появившегося в кабинете. Он даже хотел подойти и приложиться к начальственному лбу на предмет проверки на высокую температуру. Однако желание показать Иван Иванычу его некомпетентность в решении важных государственных вопросов взяло верх и он, отбросив всякий политес, выкрикнул: – Ты понимаешь, сколько денег мы промухали? Я объясню! Сколько ещё мы могли держать наш флот там? Отвечу – семь лет и это стоило бы нам порядка миллиарда долларов. Что мы будем иметь, благодаря твоей гениальной комбинации? Двадцать восемь миллиардов за тот же период! Разницу улавливаешь? Это только упущенная выгода от продажи им нашего газа по дешёвке за давно уже договорённые семь лет. Приплюсуй сюда ещё от двенадцати до пятнадцати миллиардов за последующие после семи, двадцать пять лет! И за что платить? За то, что почти не плавает и неизвестно когда поплывёт?

Тут Иван Иваныч почему-то опять поднялся из кресла и, приняв строевую стойку, выдал то, о чём, по крайней мере, в данный момент, совершенно не думал: – Позволю Вам заметить, что плавает говно в проруби, а суда ходят. Услышав такое от себя, он машинально прикрыл рот ладонью. Василь Васильич же от неожиданности, вообще потерял дар речи и застыл на стуле со скрещенными ногами, как в граните. Однако Иван Иваныч вдруг заговорил снова, и это были уже его слова, выражавшие именно то, что он хотел сказать. – Это плата за наше военно-политическое присутствие в регионе. И я считаю, что мы добились большого успеха, достойного не меньшего политического резонанса. Не знаю, хотели Вы того или нет, но нам на довольно длительную перспективу, удалось устранить угрозу вступления в НАТО нашего юго-западного соседа. Раньше это было сделано в отношении ещё одной черноморской страны. Теперь у них есть только два пути: или продолжать стремиться в Альянс, отказавшись от территорий, на которых присутствуют наши войска, или сидеть тихо-мирно. Что касается обновления флота, то это дело почти решённое, – будем покупать вертолётоносцы у французов. По моему, называются они «Мистраль».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.